

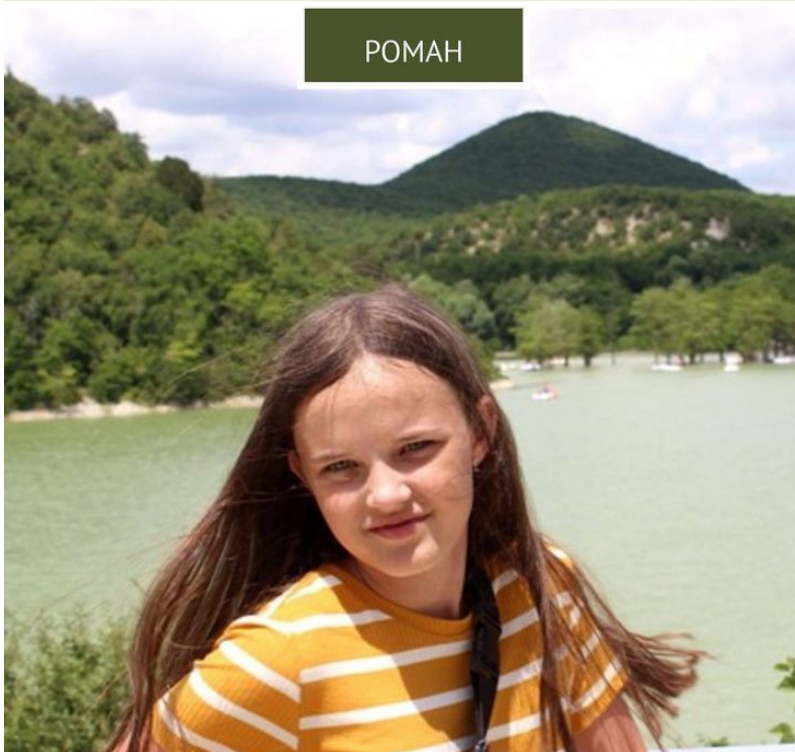
18+

ОЛЬГА КЛИМОВА

Неполное превращение

РОМАН

Ольга Климова
Неполное превращение. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988455

ISBN 9785005323668

Аннотация

– Я вытащу её оттуда! Захватывающая история из жизни писателя. Дорога к мечте, несмотря на провал. Вы удивитесь, насколько способно творчество!

Содержание

Чем полезны насекомые	5
Ночь, здравствуй дом	12
Студенты любимчики	21
Процесс пищеварения	27
Театральные посиделки	32
Неполное превращение	35
Как принято говорить	40
Бедная Лиза	46
Плохие костюмы	49
Подготовка к поездке	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Неполное превращение

Роман

Ольга Климова

© Ольга Климова, 2021

ISBN 978-5-0053-2366-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чем полезны насекомые

Полоса расставленных ноутбуков приглашала к покупке. Ноутбук не самый дорогой, но в нем точно есть функция набора текста. Дополнением к нему, по старой доброй памяти, Виктор приобрёл толстый коричневый блокнот для записей, модную ручку. Ещё несколько простых ручек, так как модная всегда терялась. Теперь можно писать, уж точно. Аккуратно сложив приобретения, поехал в парк, где его ожидают жена и сын.

Гуляющих в парке окружают деревья, серо-коричневые стволы, окрашены снизу белым, защита от насекомых. Листья на яблонях – дичках крупные и мелкие, извиваются и колышутся. Гладкие и прохладные листья. Папа, мама и сын приятно утомившись ходьбой присели на скамейку. Вдалеке небрежно рассыпаны деревенские домики. Уютные игрушечные коробочки.

– Мне нравится жить в доме, приходишь и ты сразу на природе, бегаешь, гуляешь босиком по траве, – заговорил папа.

– Да хорошо, – она выделила последнее о, скруглила розовые губы. Очертание верхней губы сложилось симпатичным треугольником. – Ты знаешь, у меня аллергия на траву. На траву, на черёмуху, и сильнее всего на сирень. У меня голова болит, давление подымается.

– Да как это, у такой молодой красавицы и давление!

– Да вот так.

– А давай квартиру на дом поменяем.

– Давай, если у меня голова не разболится. Я не могу цветущие кустарники переносить, цвет мне на голову влияет.

– А я там книгу напишу.

– Напишешь.

– Конечно, напишу.

– Сядешь среди сосен и дело пойдет, гусиным пером напишешь.

– Не надо среди сосен, мне надо где яблоки растут, среди зелени. У нас будет дивный сад.

На краешке серой скамейки устроились жук мужик и муха девушка, чуть подальше маленький мушонок. Маленький без умолку жужжит, много болтает, это подросток, сын.

Настоящий человеческий сын расправил розовые ладошки, оттопырив в стороны мизинцы, направил к солнцу.

Светлое небо светит белым круглым абажуром. Обстановка по – весеннему нежная, тёплая, прохожие довольны и раскованы.

– Какие хорошие люди гуляют, мамы с сыночками, папы с дочками.

– Мне туда в школу далеко ездить будет, – прервал сын впечатление от добрых прохожих.

– Но ты же не знаешь, откуда ездить.

– Я знаю тот район, сын носом указал на противополож-

ный берег. Я представляю, как вы меня в школу оттуда отправите.

– Мы тебя возить будем.

– А маму?

– А маму в театр.

– О да, меня в театр. Я сейчас костюм для Огнива шью.

– Вера, для огнива, – поправил ударение папа.

– Витя, ну ты зануда, Огнива.

– Просто я писатель, и прежде всего преподаватель.

– Ты уж второй день так говоришь, я в воскресенье отдыхаю, про работу немного забываю, и сколько можно про литературу, твоя литература, надоело слушать.

– Ты сама начала про театр.

– Витя, ты напиши про инопланетян.

– Мама, и про школу.

– Я могу про школу инопланетян написать.

– Пиши.

Мать перевела взгляд серьёзных глаз и густых ресниц на сына. Они помолчали, повозились на лавочке, сильнее всех ерзал сын. Дружно выросли вверх, и семейная прогулка продолжалась уже вдоль реки.

Необычайные просторы вдоль глубокой реки. На высоком противоположном берегу реки сидели редкие кустики, рядом сидели люди на скамейках, смотрели в недостижимую глубину.

Семья не договариваясь закончила прогулку: первый, вто-

рой, третий, неспешным ходом шагали к машине. По воскресному вяло переставляли ноги, когда надоело медлить, ускорились.

Левой, правой шагали четыре штанины. Маме чеканить шаг мешала узкая юбка. Она оказалась третьей, заторопилась.

– Поторопись, – кричал из открытого окна на переднем сиденье юный сын, высунув в окно голову на крепкой шее.

– Поберегись, – кричала та же русая голова, когда папа решил сдать назад.

Мама заметила на запястье божью коровку с желтыми пятнышками, она тихо приземлилась к ней на руку.

– Боже мой, какая милота!

Продолжая бережно нести запястье с жуком, мать плюхнулась на сиденье, робко хлопнув дверцей.

– Милота. Они нас с пацанами один раз так покусали, божьи коровки ваши. Когда летят их множество в небе, так красиво, а потом мы все в волдырях. Больно.

– Да, вот так в незнакомой обстановке насекомые агрессивны, это бывает, да, в таких случаях они кусаются, – объяснял лобовому окну внимательно рулящий отец, – а вообще жуки полезны, они уничтожают тлю, спасают растения.

– Ой-ой, любитель насекомых.

– А ты? Вера, я в детстве мечтал стать энтомологом.

– Никак не знала. И, гляжу, не стал. Но бабочек содержишь.

– И не стал. Бабочек люблю.

– Я знаю, что не стал.

– У каждого в детстве есть мечта. Современным детям ваше старое уже совсем не интересно, – резонно вставил сын.

– Ты знаешь как про жуков интересно кино смотреть, знаешь сынок?

– Вообще-то они страшненькие, но весёлые и злые, – заметил сын.

– Про них ещё не всё известно, мамуль, Верунчик, что молчишь интереснее про жуков, чем инопланетян.

– Э-э, нет, не скажи. Вот я костюм к спектаклю делала по Кафке «Превращение». И там...

– Спасибо, сынок, мысль мне подсказал, вот это идея.

– Какую мысль, пап, я ничего не подсказывал.

– Да подсказал сынок, спасибо, и маме спасибо, мне с вами повезло.

– А я всегда хорошие мысли выдаю, – мама томно сплыла по сиденью, сутуля плечи потянулась.

– Вы всегда мне помогаете в делах!

Покупка дома состоялась той же компанией, при той же погоде, в свете белого солнца, гладко скользящего ветра.

Облюбованный для покупки дом возвышался на пригорке. Деревянный, небольшой, как теремок, украшенный ажурно резными ставнями.

Виктор отказался покупать кирпичный, и подешевле, и лучше из дерева, русский, натуральный. У окон обильно

цвела сирень. Сиреневый аромат долетал к ним с мягким ветром.

– А я никак не пойму, почему художники сирень пишут. Она такая простенькая, однообразная.

– Наши местные больше черемуху пишут.

– Ага, период от свидания.

– Отцветания. Цветы это красиво, вот и пишут.

Сиреневый аромат влетел в нос вместе вздохом и остался там благоухать, прорастая образами майских свиданий.

– Мам, я помню, духи такие раньше были. Да, были похожие, мам, на твои похожи. Помнишь, в голубом флакончике, с крышкой такой, как ручка дверцы, – делился сын, тыча пальцем в дверцу машины.

– Сынок, от духов в синем флакончике у меня голова болит.

В ответ сын чихнул.

– Солнце, но прохладно, – она томно прикрыла веки, пряча от слепящего солнца, но вдруг открыла глаза:

– Когда глядишь на солнце с закрытыми глазами и откроешь резко, потом всё белёсое. Ха!

– Вот это наблюдение!

Белый жар солнца разгонял в стороны многоцветные тучи, местами серые, а где и сиреневые.

– Жаль, что на сирень аллергия. Я хотел бы тебе сирень подарить.

– Пап, йогурт мне подари.

– Не надо мне ваш аллергический букет.

– Мама тебе не надо, ты заболеешь, кашлять будешь. Мам!

– Я словами тебе нарисую сирень, – папа уже оторвался от семьи и был довольно далеко, хотя прошла секунда, – и ладно, правильно, никакой сирени, но дом мне нужен.

Отец вновь возник рядом со своими, наклонился вперёд, скрестил руки.

– Как хочешь, скоро каждый день будем любоваться цветами.

– Папа, ты переехать решил, ты не пошутил! Это не дача!

– Ну папа, но.

– Мы уедем в свой дом. Живой писатель должен жить в живом доме. Настоящем, русском, деревянном. Осталось вещи перевезти.

Ночь, здравствуй дом

Переезд решили организовать ночью, для того поставили будильник, сели на диване, продолжая визуальный пересчёт собранных вещей. Тихая городская ночь.

Безмолвие сохранялось недолго. Орала музыка, глуша микрорайон автомобильными колонками, на разный тон повторяющими бэц, бэц, бэц.

Возле бухающий машины стояли хозяева, четыре парня, они как и их музыка, вскрикивали, орали, дергались. Один из четверых держал в руке бит у, постукивал ею по ладони.

Виктор рассмотрел ночное безобразия из окна квартиры на шестом этаже. Парни тоже поглядывали в окно на шестом этаже и были настороже. Недоверие вверху и внизу, в доме и на улице. Молчаливое противостояние.

Насмотревшись и уяснив ситуацию, Виктор хотел было набрать 02 по привычке и сообщить про хулиганов, но «ай, да всё равно не сплю», позвонил всегда трезвым грузчикам, заказанным на 0.30. Грузчики быстро отозвались стуком в дверь.

Очертания предметов волновались мелкими тоненькими волнами, маленькими закорючками под вид иероглифов значками в общем напоминавшем японский рисунок тушью. Площадку у дачного домика осветили телефонным фонариком, смотрели на тюки с вещами, вещи прибывали.

Во время переезда в темноте светились человеческие фигуры, но ничего не видно, невозможно угадать выражение глаз. В темноте бывает обман зрения, может показаться то, чего нет. Темный мрак сознания.

Вера посмотрела на мужа. В нём есть непонятное, известное не всем, поступки непредсказуемы. Она подозревала его в чём-то плохом, но понять это плохое она не могла. Простой раз, когда он ходил по больнице и искал жену по фамилии имени и отчеству, нашёл совсем другую молодую.

Виктор представлял энтомологический дождь, смотрел, откуда дует ветер, прогнозируя вспышки вредителей, и думал про перелеты жуков через океан, как мелкие организмы жуки переезжают с грузами в самолётах, как жук сидит в самолёте, листает журналы, спит. Ведь у жуков несколько форм покоя, летом сон, много лет зимой он может спать. Пича колорадского жука семейства пасленовых, да, питаются в основном картошкой с помидорами в наших краях. Перелетая, жуки нередко гибнут в водах Балтийского моря. Насекомые обитают повсюду, но это летом. Это дикие насекомые. У меня свои, домашние. Есть ещё такие вредители – яйцееды, они откладывают яйца в яйца колорадского жука. Уничтожать жуков могут клопы.

- Вера, как бабочки переедут?
- Ты их в террариумы загрузил.
- Я про то, как поездку перенесут.
- Отлично перенесут.

– У меня голова болит, а тебе ничего страшного.

– Верунчик... Сейчас таблетку принесу.

Он налил воду в стакан, выскреб таблетку из стандарта, осмотрел осиротелую, разрушенную отсутствием привычных вещей обстановку кухни, заметил старенький, от старости модели неказистый ноутбук.

«Ага, его на коленях перевезу. Две страницы написал. Пишу по две в день А4. Завтра дальше. Звуки, тараканы – благодатная тема, про людей сложнее, только о них одно подумаешь, они другое вытворяют. Особенно про красивых женщин сложно. Вот не зря Толстой не любил красавиц, может их боялся. Красавица она, как ей жить?»

Размышляя, он складывал в сумку ноутбук.

«По – толстому, прыгни-ка, красавица, под поезд, и расчитай хорошо, куда прыгнуть, в середину, между вагонами, чтобы надежно, умри сама. По Пушкину Татьяна романтическая мечтательница, творение Толстого – это Наташа. И пошло-поехало. Девушки то образ Татьяны пытаются скопировать, то Наташу обезьянничают. Она вся такая живая, настоящая, Наташа, не то, что холодная красивая Элен.

Красиво это значит холодно у него. Попрыгунья с придурью это тепло, настоящая женщина. Ведь таких не бывает, он придумал, они придумали, сочинили свой женский идеал. Но как модно придумали. Ведь сколько лет женщины подражают!»

У подъезда стояла Вера, он протянул крупную белую таб-

летку.

– Возьми Верунчик, да, и запей.

– Я позвонила, бабочек повезут в отдельной легковой машине, с большим багажником.

Он улыбнулся ей, как простой обычный человек, радуясь воскрешению погибших друзей.

– Мои бабочки живы. Вера, а я про Толстого все думаю.

– Толстому ты не конкурент, – отметила жена.

– Согласен. Не конкурент. Я живой ещё пока.

Звенело дрожание тонких травин, он положил в рот тонкими пластиками нарезанную резинку, в глотке прохладно.

– Жвачку будешь?

– Давай, пожуём.

Вскоре их довезли до места. Светом фонарей некоторые деревья освещались сильнее. Ствол яблони в бледную крапинку, по цвету напоминал берёзку, раскрашенный природным живописцем.

На ощупь ствол оказался очень шершавым, неприятным, как неизвестный заморский фрукт.

Выгружали всё до последнего, включая мебель и тяжеленную чугунную ванну. Всегда трезвые громко переругивались.

Вера в очках на сонном лице подносила к воротам бесконечные тюки с вещами и домашней утварью. Грузчики сбрасывали пожитки на землю. Гора росла. На лицах грузчиков проглядывали пережитки былой трезвости. Поменяв жизнь

на трезвую, сохранили прежнюю внешность.

– Эт самое, в дом несите, – суетилась под ногами у грузчиков уставшая хозяйка, указания давала своим.

Виктор вытянул ровной палочкой жилистое сильное тело, нагрузился тюками, носил к дому тяжёлое. Вера бросила у порога тряпку. Все дружно тёрли ноги.

В уличном воздухе висела черная ночная теплота. Сынок хватал в грубую бумагу упакованные, обвязанные верёвками книги, хватал, сгибая руки в локтях, как культурист, бегал с книгами в дом, превращая серую тряпку у порога в скрученный изогнутый ком.

В руках Виктора возникли деньги. Денежный веер, хорошо различимый в темноте, он протянул грузчикам.

– Спасибо, – поблагодарил он вероятно за то, что деньги из его рук честный трудовой народ принял.

– Прогулка перед сном! – Радостно вскрикнул отец семье.

– Сил нет!

– Пошли!

Между сыном и мужем в ночном воздухе спешила мама, подтанцовывая под музыку, игравшую вдали.

«Это ты, это я», – чередуя с одышкой, подпевала она.

Отец шагами осторожно мерил тёмную тропинку, скованный внезапным литературным оцепенением. Натужно радостная мать наглядно веселилась. Сын взирал то на одного родителя, то на второго, и не знал к которому примкнуть.

По слегка освещённой площадке у соседнего дома в тем-

ноте носились дети. Девочка лет пяти, второй – малыш коротенький и борзый.

Мальчик задирался со старшей, они совершали пробежки туда – обратно, из темноты в свет. Поймать детей пытался молодой мужчина с подкачанными руками ростом ниже среднего, как бы подрубленный.

Прибежавшая соседская мать кричала, что они потеряют детей в темноте. Соседский парень тоже высказывал волнение. Дети никого не слушали.

Сбросив скорость ходьбы, Вера подняла и опустила очки, они означали у неё знак бесконечности:

– Маленькие дети могут пропасть, раствориться в чёрной бесконечности ночи.

Живое превратилось в ночь. Ночь жила повсюду и не заканчивалась на расстоянии видимости. Это был земной космос. Вера перевела взгляд на скрытого сумраком сына Матвея. «Никакой он не Матвей! Её сын Дионис по внешности и русский богатырь по натуре. Два в одном!»

Писательским взором Виктор обнял жену и сына. Перенёс объятая взгляда на соседскую семью, затем глянул в ночь, в ней ютились, дребезжали сотни мелких жужжащих тел. Объятая раскрылись шире, он понял, что за основу сюжета рассказа возьмёт энтомологический дождь, как всё падает с неба: и насекомые, капли, идеи и смыслы. Вернулись к новокупленному дому.

– Та-да-та-там! – Торжественно пропел Виктор, придви-

гая жену к двери.

– Обычно первой в дом запускают кошку, но за неимением.

– Бабочку! – Нагло пошутил Матвей.

– Ребёнок, помолчи!

Вера переступила через невидимый порожек, тронула дверь, в ответ прозвучал липкий скрип. Вера влетела в темноту без посторонних сил. Матвей догадался включить фонарик. Свет в доме был, стоит только нажать на выключатель.

– Настоящие хоромы. Снаружи не скажешь, какой большой дом, – певуче вещала Вера.

Она затеяла поздний ужин, сын сменил у плиты, ловко работая по по дну сковородки деревянной лопаткой.

– Какая я хозяйка плохая, – распевая, как актриса слова, красиво заговорила Вера.

– Самокритично, – искренне отметил сын.

– Ну ладно, Вер, устала, – хлопая её по плечу желал успокоить муж.

– Какая я хозяйка плохая, – опять красиво театрально заговорила Вера, – я вам даже рубашки никогда не глажу, не повезло вам, мне стыдно. Про это всем известно.

– Кому? Про что? – сын перестал помешивать румяную картошку.

– Они всё знают, она красиво выдала всё – всё, закинула голову, – инопланетяне следят за нами из смартфона и передают в интернет.

– Вера, глупости не говори, – Виктор раздражался.

– Пошутила. Какие глупости. У Матвея в смартфоне есть камера, она постоянно снимает и снимает, записывает и передает в интернет.

Отец и сын переглянулись, недоумевая.

– Что, фильмов обсмотрелась?

Она выразила отрицание и возмущение в отрицательном повороте головы. Сын, как ни в чём ни бывало, делил зажаренную на сковороде картошку на три тарелки.

– Странная у нас мамочка, – восхитился Виктор, игриво глядя на жену.

– Ой, папа, ты тоже, я жил в своей квартире, пока ты всех с теплого места не сдёрнул.

– Матвей, ты чувствуешь воздух какой, как дышится!

– Чувствую, папа, такой же теплый аромат, но темно тут совсем, совсем огней нет и людей нет, мало человечков. Цивилизация, где ты? – манерничал Матвей.

– Матвейка, ты совсем с толку сбиваешь.

– Как здесь хорошо дышится!

От неловкого случайного взмаха руки включилась музыка в телефоне.

Мамина усталость как-то разом уничтожилась, и даже очки помолодели. Она прошлась по длинному коридору шагом польки, оглушительно скрипели половицы. Вырвался наружу аромат плесени, раньше не замеченный.

Открывая входную дверь, в дом впустили ночное нежное

тепло.

– Бэц, бэц, бэц, – удалялся в летнем дачном вечере музыкальный звук пролетевшей машины.

Устраивались ночевать, стелили ароматные мятные простыни на облезлый диванчик и односпальную кровать.

За окном с включённым светом бились о стекло серые бабочки мотыльки, их писатель сравнивал с моделями. Вообще люди в его понятии – это насекомые с тонкими талиями, крепко подпоясанные.

Вот женщины, например, – это божьи коровки. Самостоятельные образованные мужчины – жуки, другие – клопы. Клопы враги жуков. Были также ещё жужелицы – разговорчивые девушки в основном студентки, которых в избытке хватает в институте на филологическом.

Студенты любимчики

Практическое занятие по литературе обязывало преподавателя Виктора Олеговича предаваться мечтам – снам о прошлом.

– Вы жили в девяностые?

Студенты вяло листают конспект в поиске знаний, преподаватель услаждается карамельным прошлым.

– Ничего-то вы тогда не знаете.

«Был такой карамельный петушок из жжёного сахара».

То время и та жизнь, где он такой будущий великий писатель рос. А вырос он в небольшом городе, считавшемся селом.

«Дома для меня заготовлен карамельный петушок. Я иду по школе. Что обо мне думают?»

В его школе, особенно в классе он считался самым странным и самым умным, оттого и уважали.

«А точно уважали? Какой я был?»

Такой как сейчас брюнет, носил очки в красивой оправе, очки шли к лицу.

«Очки надоели, я хожу в линзах».

Он изумительно и солидно одет.

«Я люблю одежду, люблю свою внешность, но это не главный интерес».

Чтобы не навредить внешности он старается не сильно

утомляться, чтоб лицо не помялось и не подпортилось.

«Я не получил опыт работы в Медведе или Speed инфо, но получил опыт научных дел, изучал насекомых и много читал, от этого иногда мои опусы нудные. Но их я посвящаю женщинам».

Девочек, кроме будущей жены из того же города и той же школы, он почти не замечал.

Девушки в институте, где шло занятие, слились в одну общую прекрасную девичью массу.

«Их и правда очень много. Из всех студентов выделяются два единственных парня из двух параллельных групп».

Параллельные группы на практическом занятии сегодня вместе, оба парня присутствуют.

Один тонкий до светящихся жил Андрияша носит длинные патловатые волосы и увлекается буддизмом. Другой, Серёжа, молочно пухленький, трепетно оберегает свою розовую молочность, потирает щёчки гладкой розовой ладонью. Держа в левой ладони ручку, он пишет, при письме замирает, поднимает вверх указательный, не утомлённый физическим трудом пальчик, словно познаёт истину, после, довольный, снова корябает левой главной рукой уже по клавиатуре.

Серёжа также носит очки и выглядит совсем юным благодаря пухлости и нежности лица, ничем не выдавая свои двадцать восемь.

Иногда Серёжа съезжал на поедание конфет в бесчислен-

ном множестве, но брал себя в руки, прекращал и вновь садился за компьютерное письмо.

Андрюша имел опыт употребления запрещенных веществ. Серёжа имел опыт общения с людьми криминального характера.

Андрюша и Серёжа самые талантливые на курсе, их отличает предельная обходительность со взрослыми, особенно женского пола. К обходительности их приучили мамы и бабушки и старшие сёстры. Поэтому к чужим мамам, и бабушкам, и старшим сестрам они обращаются вежливо и почтительно. Женщинам в диапазоне от 30 до 80 они нравились.

Но им же, самим парням, нравились двадцатилетние, которых было не за что пока уважать, взгляды на прелестниц получались презрительные, и девушек они не завлекали.

Девушки тоже привыкли уважать своих пап, дедушек и старших братьев и, как водится, не замечать своих маленьких ещё и тупеньких в делах жизни ровесников.

«Молодёжные занятия нельзя вести скучно!»

И снова карамельное прошлое и школа, где Виктора почти не замечали, а замечали Женю, мастера единоборств.

Женя единственный главный авторитет класса. Он симпатичный, русоволосый с вытянутым бледным лицом. Его лицо, точнее выражение временами схоже с лицом очень правильной и воспитанной девушки Ольги, темноволосой, с короткой стрижкой на пробор. Ольга старше, училась в другой школе, но многие в классе её знали. Родители ставили в при-

мер.

Ольга всегда слушалась родителей. Сходство этих людей (Ольги и Жени) заключалось в правильности черт лица и улыбок, в крупных белых зубах и правильных интонациях.

Ольга не была авторитетом класса, а Женя был. И нынешний писатель Виктор объяснить это не мог. Жизнь доказывала.

Любое слово, прилетевшие от Жени к одноклассницам, они ловили с радостью, как обещание счастья, как букет невесты ловит подружка и держит его глупо улыбаясь и стесняясь, зная, что такого счастья она недостойна.

Ни одна из одноклассников не достойна была любви Жени, крутого блондина, сильного и быстрого, и каждая об этом знала.

Своё авторитетное счастье Женя обрел с красивой маленькой Наташей, старше его на три года. Наташа подозрительно быстро пострашнела, пройдя при этом несколько периодов ухудшение внешности, тогда ещё пытаясь украсить себя одеждой, элегантными льняными костюмчиками, модными платьями по фигурке (Виктор как-то встречал её в автобусе, когда навещал мать). Но дальше Наташа совсем изменилась и изменяла Жене в каждой компании с любым мужчиной, что обратил на неё внимание. И обращали. Красота сошла, чёткое тельце расширилось до неузнаваемости. «Мухи, бабочки так не толстеют».

Про измены – изменения Виктору кто-то рассказал, и он

не слишком верил. Не верил также, что Женя с Наташей спились или того хуже что-то употребляли.

Андрюша и Серёжа многими чертами походят на любимого преподавателя. Женя, его авторитетная власть над людьми, был недостижим идеал – ползу, ползу, не допозу.

«Почему я думаю про Женю? Потому что он прототип. Он прототип Моники. Почему он прототип лучшего рассказа? Не знаю, внутреннее родство героя и прототипа, также как и родство Жени с правильной Ольгой во внешних чертах неоспоримый факт!»

– Кто не жил в девяностые не знает жизни. Вам просто повезло, но нет, вам как будто ничего не надо. У вас всё есть.

Некоторые студенты посмотрели на него вялым от чтение заспанным взором. Укоряют.

«Что смотрите, солдат ребёнка не обидит. Насекомое пожалеет».

Девушка за первым столом гусенично крутила тельцем.

«Детство, гусеница».

Когда-то Виктор второклассник пытался разводить гусениц, ловил самых пушистых и пухленьких, опускал в литровую баночку, кормил листьями и поил водичкой. Гусеницы делали огромные кучи и дохли, одна за другой.

В конце лета оплакав всех пушистых подруг, с которыми он успел подружиться, старательный второклассник, будущий писатель решил всё про гусениц прочитать. Прочитать всё оказалось невозможно, и он читал до сих пор, де-

лая это в свободное приятное время, после чтения засыпал сладко – приятно, а просыпался и вновь входил в этот мир муторно и сложно.

Открыт учебник на столе, незаметно зачитался. Приснился карамельный петушок.

«Как можно спать с открытыми глазами?»

Студентки крутились, тянулись к соседним столам. Андриуша и Серёжа полу громко бубнили.

– Сдавайте тетради. Кто не жил в девяностые ничего путевого всё равно не напишет. Если только некоторые, – Виктор сфокусировал взгляд на парнях, также и они замерли в ответной фокусировке. – Есть надежда на двухтысячные. Поживём – увидим.

Процесс пищеварения

Сломанные вещи мешают благополучному ходу жизни, но помогают общению. Молниеносное общение дают нам новые технические средства.

– Юра, помоги, довези, машина в ремонте.

– Ты на работе? Подъеду.

– Есть хочу, три заседания в суде. С последнего еду, – желудок Юрия подтвердил правдивость слов громкими звуками.

Они засмеялись. Машина тронулась. Комфортно устроились, разговорились.

– Я тебе скажу, смеяться про кишечник мы так сказать договорились. Разговоры – «дискурсы» создают люди, которым нечем заняться и много свободного времени, находятся в местах лишения свободы, работа у них такая по типу работы вахтёра: сидишь, сторожишь, минут свободных куча.

Юрий солидно кивал в ответ, не сводя глаз с потока машин.

– Часто они работают в свою пользу или для друзей, – продолжал Виктор. – Анатомические особенности работы кишечника мы привыкли воспринимать как противные, особенно, если это всё представить. Лучше не представлять. Это не то, что весёлые звуки желудка, приятели оба улыбались. – Смешными принято считать и места, где процессы пищева-

рения завершаются, тут уточнять не будем и так понятно.

– Обоснуй шутку!

– Путешествие от смешного к противному и обратно нас очень веселит. Противно, когда риск пищеварительных инфекций: грязь, зараза, запахи.

– Тараканы.

– Нет, не всем противны тараканы. Пробежки от противно к смешно и обратно.

Подъехали. Юрий на двоих распахнул дверь пиццерии, дружно нырнули в красивый цветной полумрак, с переливами аромата итальянских блюд.

– Творишь что-то? Над чем работаешь?

– Новый рассказ про художницу Монику. Дело было у нас в Новосибирске. Про что знаю, то пишу. А ты?

– А мне на работе письма хватает, я бы прочёл.

Перекусив и оглядевшись (слева два столика объединила компания молодых нарядных женщин) Юрий заговорил громче, с философскими нотками:

– Приходит время, когда творчество становится работой, приятной работой, соглашусь, но всё же работой, за которую могут спросить. И объяснишь.

– Вот тем и хорошо любительство. Это твоё увлечение и нечего с тебя за него спрашивать, увлекаюсь и всё тут.

Женщины культурно двигали челюстями, уничтожали пищу, прислушивались, гадали о каком творчестве речь, неужели рядом известный режиссёр. Кто из двух мужчин ре-

жиссёр?

Юрий продолжал:

– Про кишечник веселее было.

– Ха-ха, про кишечник, про тараканов!

Женщины опустили на стол столовые приборы.

– Виктор, но не за столом же!

– Смотря что представить, какие процессы жизнедеятельности. Если про отходы дыхательной системы. Поскольку про углекислый газ, выделяемый при дыхании, никто не ржёт. А характеризующие звуки процесс пищеварения, прозвучавшие публично в публичном месте, есть хотя бы один слушатель, это уже смешно.

– Да в плане того, что приличный на вид мужчина, писатель и преподаватель уже никакой не герой, а простой примитивный типок, биологический организм или даже животное.

Одна из женщин поднялась и прошагала в уборную, развывая платьем из дорогой ткани.

– Согласен, в современном литературном тексте «горшковое» повествование, описание, диалоги весьма нас веселят, героя они приземляют, опошляют, над его позором мы смеёмся. Есть хотя бы один человек, свидетель позора, а это читатель.

Соседнему столику ясно, что приличные на вид члены творческой элиты никакие не режиссёры, похоже и не писатели, хоть про это говорят, не только про это. «Они хулига-

ны? О чём беседа в пиццерии?»

– Замечено мной, что «горшковые» включения в художественном тексте наблюдаются через 20—30 см перемотки ленты электронного листа.

Он показал руками размер перемотки, который умещался между правой и левой ладонью. Вернувшаяся из уборной одобрительно взглянула на жест, утёрла салфеткой губы.

– Вот когда я такой встречаю, дальше крутить компьютерный папирус совершенно уже не хочется из гадливости наткнуться на уже сильней реалистичное и подробное описание горшка. Не спорю, то и есть человеческая жизнь, как неотъемлемая часть, но в литературном тексте горшок имеет совершенно иное предназначение.

Соседский столик безмолвно возмущён потерянным аппетитом.

– Кстати, передавай привет Вере!

– Ага. Как у тебя на личном фронте?

– Я тут с одной встречался, с продавцом, она рассказывает, сынок её малышом такой стройненький был, с фигуркой, занимался акробатикой.

«Сынок я вижу тебя на сцене», – она мне, представь, свои диалоги с ребёнком пересказывала, комментировала внешний вид мальчика. И тогда повела его записывать в танцевальную студию. Увидев сцену, сын её родненький вздохнул и вздрогнул: «Мама, я тоже себя на сцене вижу!» И что сказать, сцена это его. Он работает электриком в театре, на тан-

цы же ни разу и не сходил.

Женщина в дорогом платье одобрительно улыбнулась чужой шутке, её спутницы выносить смех на поверхность постеснялись.

– Так про что ты рассказ пишешь, – вдохновлённый улыбкой спросил Юрий.

– Про Монику, её отца. Насекомые...

– Тараканы!? Пойдём в машине расскажешь!

Театральные посиделки

Из костюмерной с большим столом вышли две работницы театра, с ними мальчик, в фойе сели на сиденье, ожидая, не пройдет ли мимо режиссёр, к нему был важный вопрос, связанный с выбором цвета костюма Незнайки.

Мимо прошёл молодцеватый мужчина, чернобородый, густо восточный, с восточным вкусом во всём смуглом теле, будто пронеслась волна фруктово-пряного ветерка.

Две женщины и мальчик – подросток проследили путь иноземца до конца коридора.

– У нас дагестанцы.

– Да приехали, работают, я даже не знаю, зачем они в театре.

– Да говорили же, ты забыла?

– Забыла! Но я помню, каким способом дагестанцы стирают белье, я по молодости ездила в Дагестан, друзья приглашали, – глаза Веры слезились голубыми мечтами юности.

– Правда, мама, я не знал, ты не говорила! – включился Матвей.

– Это так же, как Челентано давил виноград для вина, примерно так же, – объясняла Вера больше подруге Инне, коллеге из костюмерной, чем вникавшему в разговор сыну.

– И как, – вяло ковыряя короткие слова, произнёс сын.

– Вблизи колонки раскладывают простынки, другое бельё,

заливают водой, посыпают его порошком, – она посыпала руками в воздухе, будто инсценировала народную песню, – и танцуют по белью босыми ногами, притопывают, побивают, как барабан стиральной машинки.

– И как Челентано штанишки подкасывают? – Уточнила Инна.

– Ага, до коленки.

Она наклонилась показать. В это время вихрем пронёсся режиссёр, вдали коридора ускользнула фигура в теплом свитерке.

«Не успели спросить».

– Ух ты, ногами стирают, – весело включился сын.

Он не знаком с режиссёром и не разочарован его быстрым исчезновением.

– Берегут руки.

– Да, а то глядишь, а ручки то уже износились, – Вера взглянула на узкую ладошку с тонкими костяшками коричневатых пальчиков, потёрла их и скрючила.

– Что дальше, мам.

– Да, а дальше белье полощут, отмывают водой. Но воду экономят, – продолжила она своим обычным интеллигентным распевом.

– Что экономят, молодцы.

– Да у них мужики не меньше, чем женщины пашут, – резким тоном продолжила Инна, – а наши мужики видно энергию всю растратили ещё до шести лет, и в школу идут уже

немошными, слабыми и злыми.

– Ленятся, гады, ничего не хотят. Все дела домашние женщины делают, а эти приходят и сидят, лежат на диване.

– Да что там не хотят, не могут.

На Матвея волной накатило смущение, он затоплен стыдом за мужчин, Их разговору тридцать или больше лет, и женщины часто-часто похожее говорят и совсем привыкли, и уже никогда не заметят, что он, например, Матвей, всегда помогает матери гладить бельё, мыть посуду, да много чего помогает, а им, таким как женщина Инна, этого никогда не разглядеть.

– Ох, как и мой козел, все мужики такие. Уйти бы на пенсию, отдохнуть, как они по жизни отдыхают.

– Иннуля, не вздумай, только попробуй, как я тут без тебя, – возмутилась Вера, позабыв и про режиссера и про сына, включившись в женскую солидарность.

Они продолжали ругать мужиков, первой очнулась Инна:

– Матвей, ты в школу не опоздаешь?

– Вы что, какая школа, уже вечер!

– Сынок, не слушай нас, закрой уши.

Демонстрируя требование оглохнуть в прошедшем времени, Вера-мама ладонями зажала свои уши, притянула локти к коленям, суча коленями, быстро топала каблуками. Сын понял мать. Оглохнуть нужно было в самом начале взрослого женского разговора.

Неполное превращение

За пределами пиццерии стелется на город приятный тёплый вечер. В сторонке беседуют бабушки, одна как девушка, стройная и модно принаряженная, обсуждают товар, достают из пакета товар. На противоположной стороне дороги лает гигантская собака, мимо неровно шагает пьяненький, меняет скорость хода, бежит мелкой рысью. Собака умолкает. Пьяненький затормаживает, удивлённо, как ребенок, смотрит на мир, крутит в стороны головой. Не узнаёт мир, инопланетный пьяница. Бабушки на миг прекращают беседу. Звучит грозный лай, шум машин, неровное хождение по шаткой земле. Беседа бабушек про товар дороже самого товара.

Сели в машину, и снова тишина за окном.

– Ты видел, как та в платье морщилась?

– Она сходила на горшок.

– Как не стыдно, ты преподаватель!

– А ты юрист, и тоже преподаёшь.

– Да, гражданское право и кандидатскую защитил.

– Молодец, а про что трёп?

– Так про тараканов?

– А!

– Я про неполное превращение рассказать хотел. Понимаешь, как превращение ребёнка во взрослого, любителя в пи-

сателя, когда отрастают крылья. Неполное превращение – в любом творчестве отрастают крылья, не в буквальном, конечно, смысле. Как тебе понятнее разъяснить, превращение студента в юриста, юриста в ученого, проходит несколько стадий, но стадии не у всех завершаются и полное превращение каждому не грозит.

– И почему не всем?

– Не знаю почему.

– И как это понять, что превращение полное?

– Только интуитивно. Читаешь его работу или слушаешь, ты видишь, да нет не видишь, чувствуешь, всеми фибрами ощущаешь большие полноценные крылья у него за спиной. Бывает, значит, и человека рядом нет, смотришь, результат его труда, опять ощущаешь крепкие крылья у незнакомого совсем человека. Ты его даже представить порой не можешь, а крылья видишь. И это не руки, руки это только инструмент на пути к полному превращению от творца ребёнка к творцу взрослому. Ты понимаешь, должны, должны ощущаться крылья за спиной.

– Да как ты это понимаешь?

– Говорю же, интуитивно, читаешь, смотришь и понимаешь.

– Ну ты вот такой главный цензор.

– Не главный, просто если есть, то есть и в подтверждении извне не нуждается.

– Ученый сейчас кто такой? Высококласный преподава-

тель. Преподаватель, маркированный знаком качества. И тогда ему кандидату или доктору необходимо дополнительно проявляться в науке. Вот и приходим к тому, что учитель или преподаватель это самый умный человек.

– Ты вот тоже преподаёшь в ВУЗе.

– На кафедре юриспруденции.

– Ты приезжай ко мне, с рассказом поможешь. Я пишу мистический рассказ. Да, а полное превращение знаешь, это больше по творческой части, не по работе.

– По тараканьей?

– Вот заладил!

– Вот ты энтомолог любитель, тебе это нравится, и при- знайся, в разы больше, чем твоя русская литература XIX ве- ка.

– Дело не во мне, а в насекомых и животных.

– Да ладно.

– Не знаю, как объяснить. Когда смотришь на их натураль- ность, отключаешь надоедливое воображение, к реальности возвращаешься, и лучше пишешь.

– Вообще-то литератору весьма ценно изучать насекомых, жуков, бабочек, может и так, объяснение принимается.

– Знаешь, Юра, тараканы едят бумагу, а простейшие, жи- вущие в тараканьем кишечнике, переваривают целлюлозу; тем временем, тараканы переваривают простейших. Таракана- ны жрут бумагу. Так что неправда, что бумага всё стерпит. Она не терпит тараканов.

– Допустим.

– А ты знаешь, у каких животных неполное превращение?

Никогда не отрастают полноценные крылья?

– Не знаю.

– Это вши и крыльев у них нет.

Молча уставились в экран, висевший в салоне машины.

В телевизоре без звука темнокожий покрытый волосами индус в шортах трусиках ногами и руками крепко, как липкими клешнями, приклеился к вертикальному бревну.

– Вот йоги умеют. Как тараканы или вши, бегают и прыгают по вертикальному бревну.

– Ага. То есть в насекомых превращаются?

– Превращаются, когда им нужно, но не полностью. Под насекомых стилизуются.

Картина городского вечера за окном чуть затемнилась. Пьяненький упал. Виктор выскочил из машины, установил пьяного на ноги, закрепил, тот снова свалился. Подняв под руки, поволок к ближайшей лавке, пыльные ноги скрутились как нити верёвки. «Похоже ноги без костей», – отметил за окном машины Юрий. Его друг заметил шлепанье губ за окном, раскрутил пьяному ноги, уложил.

– Ничего, тепло на улице, – Юрий повернул ключ зажигания, – что тащил его, такому на земле мягко.

– Так ты рассказ напишешь?

– Напишу, запросто.

– На спор? Нормальный рассказ, большого объёма, с со-

держанием.

– Какой ещё, понятно, нормальный, Подожди, мы спорим, что я напишу.

– Или не напишу.

– Ага, а ты что при этом делаешь?

– Я спорю на деньги.

– Не пойдёт. Я произвожу рассказ.

– Или не произвожу. А ты что?

– Я всячески тебе помогаю, морально. Так спорим?

– Помогаю? Странно... А, спорим!

– Поехали?

– Давай, по домам

Как принято говорить

На каждую тему простого о жизни разговора принято говорить в рамках существующего дискурса. Например: Все мужики козлы. Власть портит нам жизнь. Местные дискурсы: Наш город убожество. Уничтожили предприятия. Работать негде.

Все остальные разговоры лишь повторение, укрепление, дополнение этого. Нас так научили и мы договорились на одну и ту же тему говорить одинаково. Бытовые дискурсы создают люди, у которых больше свободного времени, они не ходят на работу, это пенсионеры, домохозяйки, люди в местах лишения свободы или работа их предполагает наличие людей и выход в интернет и больше чем у других свободного времени: вахтёры, безработные, другие прохлаждающиеся работники, нередко и руководители, особенно те, которые рассказывают, как у них много работы. Тогда они создают дискурс лично себе. На несогласных с разговором о том, как мы договорились обсуждать, поглядывают косо.

Прервав чтение собственной записи Виктор решил: «Для введения в лекцию пойдёт».

Многие писатели и поэты тоже поддерживают общественный дискурс. Но это такие, которые пишут о том, и про то, как договорились, не наблюдая реальность. Таких, которые смотрят в жизнь, обычно не понимают современники.

Но некоторые своим текстом реальную правду доказывают, и тогда появляется новый диалог на старую тему.

«Лекция, лекция. Это не лекция. Это занудство! Когда там та лекция по программе?»

Из программы выяснилось, что лекция, над которой Виктор Олегович начал трудиться не скоро, под Новый год.

Под Новый год у Виктора, также как и у многих женщин активизировались эротические фантазии. Порывшись в интернете, он решил выиграть спор с другом и написать мистический рассказ. Удивительный, все поражающий рассказ.

«И что же скажет Вера?»

Начинается с того, что автор выглянул в окно. Шок! Из каждой пары параллельных окон девятиэтажек текут струйки синих слёз.

В одном доме с плачущими окнами жила тётя Моника, как прозвали её маленькие котятки – любимые племянницы, и означало прозвище на языке племянниц «иностранный интеллигентка в шляпке и в очках, чумная на вид».

Автор вспомнил о любви многих писателей напоминать об извержении потовых желез в женских подмышках, с разных сторон смакуя тему, себя возбуждаешь на творчество. Ограничился обычным презрением к тем авторам и продолжил писать.

Моника беседовала в своём маленьком уголке за столом, прижавшись к батарее и поглядывая то в телевизор, то на своего отца.

– Вот вы, прошлое поколение, – начала она, дослушав новогоднюю речь президента, и обращаясь к отцу, – вас хвалят и ценят за то, что вы пережили войну, тяжелые послевоенные. А нас за что уважать можно? Не за что!

– Да просто потому, что мы пережили девяностые, – отозвалась сестра Моники, такая же внешне как она, с аккуратным прямым пробором, в очках на вид азиатским лицом, возможно татарским, с фигурой более пышной, чем у сестры.

– Да-да. Да-да правильно. Девяностые – это как послевоенные.

Писатель остановился, переключился со своих героев на себя любимого, подумал, что хочет спать, вспомнил, что в девяностых голодал, но зато был очень худеньким, и пиджачок не по размеру изящно на нем висел пуговками вниз.

«Нет, но вот этим, но вот этим точно не переплюнешь писателей, что жили раньше, – он презрительно потряс блокнот, в котором писал, откинул его на край кровати. Я не пойму, как они это делают? Тренироваться нужно».

Писатели бывают первосортные и второсортные.

Первосортные. Про них рассказывает литературоведы и филологи, нередко учёные подробно анализируют их тексты, иногда цитируя их, их книги печатают за гонорар.

На этой картинке вы видите первосортного писателя. Это писатель бестселлер.

На другой картинке человек, который издал книгу за свой

счёт и стесняется, но хочет рассказать о своем творческом ребёнке. Он может даже писать про насекомых, жуков и даже бабочек и даже всерьёз увлекаться энтомологией. А это уже замах на Набокова! И хочет стать первосортным.

Любой второсортный со второй картинки мечтает стать первосортным. Не автором мелких идей, не мелкой килькой для питания бедных. Автором серьезного бестселлера.

Никогда никому не удастся перейти в чужую более высокую касту. Что главный рояль сыграет, туда вы и пойдёте. Главный рояль – традиция. Если ты пишешь не в традиции западно – европейской школы, то какой ты тогда настоящий русский писатель?

«Вот это пойдёт для лекции! Тем более диалог отработан на Юре».

Наклеил стикер на страничку блокнота, поискал в программе «Русская литература девятнадцатого века» подходящую дату и тему лекции, кратко подписал стикер.

«Поздно уже, спать надо. Где жена?»

«Тема. Дата записи». Ручка выпала, покатила на живот.

В видении её звали Анка – Алка – гепард.

«Какая фраза! Как прекрасно встроится она в рассказ. Мистика!»

Прекрасная фраза пришла писателю во сне.

Спящая голова напряжённо работала, он обдумывал, как подключиться к чужой жизненной энергии, ретикулярной формации и использовать её, как используют жизненную

энергию насекомых. Как имитировать похожие на жизнь действия, внутреннюю жизнь, как имитируется внешняя жизнь. Какие системы действуют в человеке, каким образом запускается несколько систем в человеке и насекомом, как запускается жизнь, и как запускается общая жизнь на земле. Разобраться через системы жизнеобеспечения насекомых, животных, человеческие. Это нужно, чтобы запустить живую русскую литературную систему.

Из-за стола в квартире Моники вырос таракан. Тараканы – это не только те, что живут у нас в кухне, таракановые яркие и красивые, симпатичные насекомые.

Новогодний вечер, а тараканы ночные животные. Днем они прячутся, любят влагу и тепло.

Выползший не обычный таракан, огромный чёрный таракан, людей он не боится, направляя путь к небольшой мокрой полоске – лужице, которую оставила сестра Моники, протирая в кухне пол. Чистый пол.

Тараканы загрязняют и портят продукты, разносят возбудителей опасных заболеваний, яйца паразитов и споры грибов.

Страдает наша безопасность. Вот почему мы их так боимся.

Но героям тараканы не страшны, папа взрослых «девочек» Моники и Лолиты придавил чёрного крепкой подошвой домашнего тапочка.

После хруста таракан пустил из себя что-то жидкое,

по всей вероятности тех самых простейших, что перерабатывали в нём целлюлозу. Да, тараканы едят древесину, едят бумагу, но в переработке им помогают простейшие, обитающие внутри кишечника. А мы всегда смеемся про человеческий кишечник, мы так договорились. Здесь не смеёмся, здесь противно.

Этот таракан совсем еще юный, он подросток. Вот так, он сын и крылья ещё не отросли. Неполное превращение.

«Ясно. Предсонный бред. Завтра запишу».

Бедная Лиза

Виктор пересчитал студентов в классе, сравнил со списком. Заглянул в журнал.

– Кто подготовился выступить устно?

Тишина, нервная возня.

– Все письменно.

Через несколько секунд поднялась тонкая осторожная рука.

– Прошу вас.

Перед аудиторией походкой королевы шла высокая студентка. покачивая длинным платьем и постукивая каблучками, повернулась лицом и сникла, шарм королевы оказался напускным.

– Итак, Николай Карамзин «Бедная Лиза». Я предлагал подготовиться устно или письменно. Я знаю, что все подготовились письменно, но вы устно, почему?

– Потому что прочитать легче, чем написать, – потому что прочитать легче, чем написать, ответил за девушку Андриуша.

– Потому что читать интереснее, чем писать, – выдала девушка свой ответ на вопрос, повернувшись лицом к группе.

– Да, согласен, – оригинальностью ответа удивила.

– Расскажите, что же вы подготовили.

– Это сентиментальная повесть.

– Да, но вы прочли её? О чём повесть? Перечислите героев.

– Повесть о жизни, о грустной жизни, там была бедная девушка, её бедная мама, богатый молодой принц.

– Почему принц?

– Считается, что мы, девушки, за принцев принимаем таких парней, которые богатые и нас любят. Они очень красивые и красиво ухаживают. Но в принца он не превратился.

– Да, но ближе к теме, чем же сентиментальна повесть?

– Сентиментальная героиня, её судьба, да.

– Расскажите подробнее.

– Да, и как автор повести Карамзин вспоминает эту историю, как жалеет он бедную Лизу, её мамочку ку-ку, осуждает и жалеет героя – принца.

Некоторые девушки хихикнули на слове «ку-ку», зашуршали смартфонами.

– Так разве автор и есть рассказчик? И разве жалеет он героя.

– Мне кажется, жалеет. Уверена, рассказчик и есть сам Карамзин, замаскированный под другого.

– Как вас зовут?

– Лиза.

– Ясно, Лиза, Вы полностью прочли повесть?

– Да, я читала.

И она стояла у доски перед группой и перед ним, опустив узкие плечи.

«Ах, бедный, бедный мотылёк Лиза. Принцев вам подавай. На конвейере штампуй».

Разглядывая девушку, Виктор переключился на то, что речь в мистическом рассказе пойдёт о психологических проблемах Моника. «О каких? Поиск принца? Вера будет смеяться».

В то время Лиза все стояла у доски и говорила, говорила, опять про принца, так как другие девушки солидарно опустили глаза.

– Лиза, вы у кого курсовую работу собираетесь писать?

– Я не решила пока.

– Давайте у меня, у вас интересные мысли зреют.

Сереза и Андрюша разом опустили глаза.

Плохие костюмы

Голубоватый холодящий цвет отражался от стен костюмерной. У Инны выходной. Перед Верой на вешалке болтается ново сшитый костюм Незнайки, комбинезон расцветки «божья коровка».

«Плохой костюм, ерунда какая-то. Раньше могла, как-то получалось. Костюм такой, загляденье. Какой же алгоритм пошива?

Не понятно. Как-нибудь сделаю. Я знала и забыла. Всё понятно и просто. Надо погуглить, что хочу сделать костюм Незнайки. Не получится. Мне всё равно. Что же важно? Чего не хватило, чтобы сделать на пять? Попробуем проверить. Хорошо знать материал. Больше практиковать».

Вера думала про костюм весь день, на работе была рассеянной, вспоминала Расула, какой он добрый, хороший. Думала поступить в аспирантуру. Но Виктор как всегда против. «Я возьму и съезжу на физмат».

– Неплохо выделить талию. Тонкую – тонкую. Для детского спектакля не пойдёт. А для меня лично?

«Расулу понравится. Кому? Это Инна залезла в мысли. Витечка, конечно Виктор одобрит».

«Я спросила его, женат ли он, будто собираюсь за него замуж. Он ответил: нет. Я спросила: почему. Он ответил банально, как отвечают всем, кто спрашивает в такой ситуа-

ции глаза в глаза. Он ответил: потому что не встретил такую как ты.»

– Да, грамотный. Я видела как он отжимается от пола. Полы помыл и отжимался, – взволнованно рассказывала Инна на следующий день.

Пошивочный цех и костюмерный в небольшом театре два в одном. Комната называется костюмерной.

– В костюмах Незнайки я должна передать жизнь детского общества, но

не тех детей, которые раньше жили, а наших современных ребят. В этом и сложность. Костюмы надо сделать удобные и легкие, шляпа у Незнайки не должна всё время падать, иначе актёр будет отвлекаться и не сможет увлечь маленьких зрителей.

– Ты не бери на себя обязанности художника.

– Что ты, я умею работать в команде. Я не беру, я воплощаю идею

постановщика. Он озадачил сделать сказку современной по внешнему виду, иначе дети нашего времени не войдут в действие. А он воплощает идею режиссера. Вообрази, какая задумка!

– Сделай поярче. Красная, зеленая ткань насыщенного цвета.

– Что ты, Иннусь, у нас же не цирк, не в этом дело. Не только в этом.

Главное создать на сцене индивидуальный образ со своим

характером. Это поможет актёрам вжиться в персонаж. Это внешняя оболочка, но она влияет на внутреннюю. Помнишь у Станиславского: сменили очки и тогда.

– Не-а, не помню.

– У тебя костюмы вышли как для актёров инопланетян.

– Иннуся, правда, я бы хотела. я бы хотела внести инопланетную нотку.

Каждый костюм играет далёко звездой, звёздной галактикой. Махнёт плащом Незнайка, а на нём звёзды, планеты, вся жизнь наша. Эх, дух захватывает, – закончила фразу с чувством.

– Смотри, подруга, со звездами не переусердствуй. А как дела, как сама?

– Нормально сама. Если посчитать количество звёзд и разместить их в нужном порядке...

– И что там постановщик тебе сказал?

– Он сказал, не надо звёзд. сказал, переделывай, – по-детски обиженным

тоном ответила Вера.

– Куколка моя, ты ещё учишься, всё получится у тебя. Высокая и

стройная, задумчивая Вера, подруга дотянулась до талии тонко подпоясанной. Вере она только но только до плеча, прильнула к плечу, погладила по причёске – хвосту из тёмных волос.

– Да какая куколка, сорок лет и всё куколка.

– Да, моя куколка, ты куколка. Посмотри, фигурка какая.

– А причём тут фигурка?

– В пятьдесят ты тоже станешь инопланетной бабочкой, расправишь

цветные крылышки, и запорхаешь к своим удивительным костюмам. Махнешь по ним крылышками и все Незнайки твои понравятся всем режиссерам мира.

– Издеваешься? Бабочкой стану в пятьдесят, тогда уже бабушкой,

говори как есть. Может связи поискать, нужных людей я имею в виду.

– Но не в театре.

– Нет, местные помогать не станут.

– Есть люди, у которых свой театр, искусство, художники. Эти люди друг другу очень помогают. Их мамы, сёстры, братья, это одна армия пиара: всем миром нахвалили и продвинули.

Думать мешало солнце. Сквозь окно оно подошло наяву, пришлось отмахиваться от горячих лучей. Инфракрасный жар проникал под кожу, прожигал до костей. То не наше солнце, огненное солнце инопланетян.

Издали в окне по улице бежал – подпрыгивал Матвей.

«Сынок мой тёплый пушистый хлебушек», – русоволосый Матвейка бежал, неся в пакетике хлеб.

Горячее солнце перестало жечь.

По дороге домой Матвей обгрыз корку по всей хлебной

булке, умиляя мать отменным аппетитом и «я тоже так делала в детстве».

В доме обнаружили гостя – Юрий приехал посмотреть новый дом и помочь другу с новым текстом.

– Да потому что, Вер, хочу писать мистический детектив. Детектив, понимаешь? Кто наш главный детектив?

– Дядя Юра! – Вскрикнул Матвей.

К чаю нашёлся рулет и хрусткое печенье в шоколаде.

– Правосудие – статуя Фемида с закрытыми глазами и весы, – продолжал Юрий разговор, начатый до прихода Веры.

– Фемида с закрытыми глазами, значит не глядя. Как может быть правосудие с закрытыми глазами? – Виктор намеренно сделал паузу, похрустел печеньем, запил свеженьким чаем, – а весы какие она держит?

– Но не электронные, старинные, древние.

Они переглянулись с пониманием весёлости беседы.

– Может с электронными весами? Ладно, а что там про криминалистику?

– Начало в двадцатом веке, криминалистика в России – одна из передовых стран в этом смысле. По образу на основании наследственности пытались вылепить преступников, следующий скачок в криминалистике – определять по отпечаткам пальцев преступника. Но она и развивалась. Дальше. Развитие преступлений по следам. Документы это тоже следы. Так.

– Когда большевики пришли к власти, эта система и меша-

ла, выиграла большевистская ячейка. Большевики злились на полицию. А у себя как пошли потом преступления. Что делать? Они научили рабочих и крестьян правильно раскрывать преступления, пострадали тогда полицейские серьёзно в те времена. Народу всё равно, тайная канцелярия или полиция ответственна за плохую жизнь.

– Откуда дождь?

– Из туч, – Виктор поднял глаза на ровные уложенные пластами серые тучи в небе, за дальними домами тучи опускались вниз, открывая просветы голубых, словно вертикальных полос.

– Попей чаёк, вкусный, ароматненький.

Дождь лил, он наследил своим присутствием на предметах. Следы дождя долго не пропадали. Насекомые скрылись, слышно только стрекотание, с ритмично повторяющейся птичьей интонацией – громко – тихо. Взрослый – малый. Несколько аккордных капель, и дождь стих. Нависшая над домом полная тяжёлая туча разродилась дождём.

За соседним домом притаились женщины. Хозяйка дома и дочь – директор театра, где работала Вера, была в положении. Большой живот она прятала от дождя и от людей. Редко её высокая фигура с низким крупным животом всплывала за домом, где жила её мать и тут же вкапывалась среди зелени в огороде.

Она скоро административно пряталась, заметив соседей, их гостя. Казалось, что гость не один, а соседи слишком

громкие. Дождь и мать не оставляли беременную в одиночестве, мать говорила громко под ритм капель, бубнивших по крыше свои осмысленные фразы.

– Смотри, Даша сделала альбом, сфотографировала свой живот голеньким, – она листала альбом беременных голых животиков знакомой женщины, – это красиво, а вот он родился её Ванечка. Красивый альбом.

– Не надо так, не надо делать. Стыдно.

Женский разговор слушали муравьи, они пришли от Виктора на соседскую дачу исследовать лабиринты сухих и свежих трав.

– А. А. А, – громко кричала птица.

В беседке под нарядной крышей, наскоро расписанной Верой яркими сказочными зверятами и ребятами, продолжался мужской разговор:

– Есть специальная дактокарта. сначала пальчики снимают, где подушечки, потом фаланги, – он выгнул свою кисть, – потом вся кисть, – распределил пальцы левой руки расширил их, показывая по ним правой. Вот так.

Разговор прервал звук пилящей ножовки, они оглянулись на рабочего, что мастерил забор у соседнего дома, где жила мать директора театра. Директор была там же, осматривала участок, делала маме замечания.

Мать отвечала пришиблено, как не хозяйка дома, а выполняющий работу работник. Рабочий звонко, резко, громко колотил гвозди. Разговор не прижился.

Дом мамы театрального менеджера стоял близко к соседскому, а там гость:

– Мешает работничек поговорить. Деловой рабочий.

– Это не рабочий, это её зять, стоматолог забор ставит, – солидно уточнил Виктор.

– Петю, петю, петю, – скоро ответила птица на лиственнице и ответила за всех. Их мягко обдуло ветром. Любимых жуков дикарей не видать, предупреждены о дожде, у них свой инстинкт, есть какая-то взаимосвязь между жуками.

Виктор посмотрел вверх: выкатило солнце – колесо, штурвал корабля. Скрытники – бутоны одуванчики разбежались по траве, в траве прятался клевер, подорожник, дальше прорастала бело – зеленая трава, тонкая, какой он в детстве играл в петуха и курицу. Дальше густые ветки яблочного куста. Через куст светился домик, сложенный весёлыми полосками одинаковых бревен. Домик обрамляла высокая черёмуха, спускавшая многочисленные ветви с крыши.

– Тут недавно соседи слева погорели.

– Как так?

– Не знаю, пили, гуляли в беседке, не знаю, что там, шашлыки жарили, фейерверк запускали, видишь лиственница с одной стороны обгорела. Они любят погулять, – рассказывал Виктор другу про соседей.

– Но надо меньше бухать, – таков был его окончательный вердикт.

Стоматолог, строивший забор, кидал старые доски за дом,

организуя кучу. Временами сильно грохотал, со вкусом ставил в ударе точку.

– Пап, закачай мне воду, я всё подключил, – заговорил в зоне видимости в окружении зелени пшеничноволосяный сын, – я из шланга кусты поливаю. Парень высокий, ровный, в бардовой футболке и тонких коротеньких штанах.

– Матвейка, дождь прошёл.

– Дядь Юр, уже сухо.

Отец молча поднялся с диванчика и пошёл выполнять.

По кронам деревьев гудел ветер, перетекая вдали.

– Как пишется? – спросил Юрий, когда Виктор вернулся.

– У меня одни описания получаются, описание внутренних мыслей или внутренней жизни, философствования одни.

– Что получается, то и делай.

– Получается, я делаю.

– Какой воздух у вас ароматный!

– У нас да, телефон надо взять, Виктор удалился в дом, мало ли кому что понадобится. Кузнечики стояли на лапках, держа тело под углом тридцать градусов, нервно перебирая коротенькими передними.

Стоматолог продолжал стучать едко для слуха. Птички красиво монотонно пищали, деревья покачивали ветками, листвой. Природа растений гармонично тиха.

Виктор подумал, что у директора театра есть родинка княжны Мэри, как в романе Толстого, он задумался о Тол-

стом, и о разных Толстых, время замедлилось, стало длиться тянуться длинными периодами.

Он представил, что муж директора театра, странный маленький мужик с рыжей бородой из Анны Карениной, как Каренин с некрасивыми ушами. Что же навело его на мысль? Вероятно, и её мама, и бродивший по огороду с красным мешочком электрик напомнил, как ходила когда-то по просторам романа Анна Каренина.

Электрик проверял проводку, громко кричал. Это карликовый мужик с электронными движениями, всегда синхронными.

Виктор и Юрий наблюдали за природой, насекомыми, людьми. Ситуация с сильным дождем испортила литературные картины, смыла мысленную родинку над губой княжны Мэри прогнала Карениных, прочих оборотных мужиков.

В природе застыли описания дождя: теплые, живые, волнующие.

Подготовка к поездке

Глядя в экран, мужем купленного ноутбука, Вера хорошо подметила, и это точно, что за ней следят через новое хитрое воспитание детей, через электронный дневник. Дневник для школьников, сейчас стал электронным. как ей давно объяснили в школе, это такой журнал в электронном виде, где можно увидеть столбиком все оценки своего родного школьника и его домашку. Журнал одного ученика. А дальше Вере стали приходить письма, посылавший робот осведомлён обо всех их проблемах: питание и витаминах для учёбы, работе мозга школьника, будущего егэшника, и далее всё остальное, о чём говорилось дома. Они знали важные секреты и эту тему и предлагали. За выход из проблемы нужно заплатить.

Кроме прочего, Вера подозревала, что домашние задания детям дают разные, что они все получают секретные задания для разведки. Выполнение секретных заданий может предотвратить войну поэтому она своему сыну Матвею советовала выполнять задания до примерчика.

Война могла начаться в случае, если опустеет домашний холодильник, Матвея оголодает и не сможет выполнять домашнее задание. Холодильник в доме забит продуктами, в том числе и протухшими, просроченными, проплесневеными, прогорклыми.

Матвей подозрительно мало ел. Внутримозговая ситуация

обострилась, о ней Вера никому не рассказывала, предотвращая начало войны. На завтрак какао, сынок любит какао.

– И чем же так сладенько пахнет? – жену у ноутбука сменил муж.

– Какао будешь?

– Буду!

«Дядя Витя, с Днём рождения», – красовалась запись от племянника Никиты на странице «дяди Вити», а именно уважаемого преподавателя русской литературы XIX века Виктора Олеговича.

«Вот уж наши дорогие соцсети вездесущие и всеми любимые. Надо бы удалиться, так жалко людей на страничке собранных. Не один год собирали Славная компания получилось. Но всё же. Ты или Виктор Олегович, уважаемый человек, или ты вот так по-простецки дядя Витя. Кому-то это не понравится, покажется смешным. Но когда просто, нам так приятно! Дядя Витя! Удалить аккаунт и стать недоступным. Они захотят мне написать, меня нет нигде. Они хотят на меня посмотреть – и тоже нет нигде. Только интервью». Усатая бабочка смотрела прямо на него с пониманием.

«Крысинка моя, какого ты пола, думаю, что женского». Домашняя крыска пробежалась по аквариуму, метнула мощным хвостом. В аквариум полетели лепёшки корма. Мелкие частицы крылышками приземлились на покрытый сеном пол. Серая шерсть приподнялась, показался подпушек.

«Не можешь не писать не пиши. Хочешь считаться писа-

телем – плати. Плати деньги за издание. Ты никогда не станешь настоящим писателем» – он захлопнул ноутбук.

– Витя, мне на работу пора.

– Поехали.

Машина оставалась в ремонте, и путь на работу проходил в рейсовом автобусе по расписанию. Следовавшие по делам пенсионерки быстро разбежались по свободным сиденьям. Автобус вяло покачивался.

Мысли в поиске вариантов продолжения сюжета, что с Моникой произойдёт дальше, Виктор вслух прочитал отрывок из рассказа про Монику, поднял голову и процитировал свои строки пассажирам автобуса. Люди замолчали и напряглись. Параллельно по радио Райкин читал монолог, в конце которого некоторые пассажиры зааплодировали Райкину, «И она, жена, аплодировала Райкину, или мне?»

Вышли на одной остановке. попрощались. По длинной аллее жена направилась на работу, в мастерской её поджидала подруга:

– Верочка, что ж ты костюмы такие бледные пошила. К-к-к. Что наши подписчики скажут, ругаться будут. К-к-к старушками нас будут называть. Старушкам не место на сцене. Вот как пишут про нас: «Как могут они ходить там, там, где может молодёжь рисовать костюмы более яркие более смелые». К-к. И посильнее они будут.

– Ты всегда у людей спрашиваешь про костюмы?

– А у кого спрашивать по-твоему. Да я и не спрашиваю,

к-к, они сами говорят.

– Вот именно их никто не просит, а они говорят. Авторитетные персоны, три класса образования! Ты кашляешь?

– Нет, заикаюсь.

– Не слышала раньше.

– Раньше я не волновалась. К-к, они главные потребители наших услуг.

– Какие для них услуги? Не волнуйся, тебе это к-к-к не идёт.

– Спектаклей наших в наших костюмах, К-к таких услуг – деньги за билет платят, в театр на премьеры приходят, отзывы пишут, на группу подписываются. Поняла? К... они тоже пишут, что у Бабы Яги какие-то ноги худые, надо бы помолже Ягу. Но это не только нас касается, не только наших костюмов. Ладно, не буду волноваться, буду такой всеми презренной дурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.